

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

На правах рукописи

ОСЬМАК Наталья Андреевна

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ:
ПУТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2014

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель:	доктор филологических наук, профессор Богданова-Бегларян Наталья Викторовна ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор Миллер Людмила Владимировна ФГБОУ ВПО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I» доктор филологических наук, профессор Васильева Галина Михайловна ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»
Ведущая организация:	ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Защита состоится «__» _____ 2014 г. в _____ часов на заседании совета Д.212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «__» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Вяткина С. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение устной речи (УР) — одно из наиболее перспективных направлений современной лингвистики, интерес к которому неизменно возрастает. В последние десятилетия появилось большое количество работ, представляющих описание УР в фонетическом (см., например: Бондарко и др. 1991; Бондарко 1998; Фонетика спонтанной речи 1988) и социолингвистическом аспектах (например: Крысин 1989; Ерофеева Т. 1991, 1996; Кирилина 1999); а также комплексное описание устной диалогической (см., например: Шведова 1960; Земская и др. 1981; Сиротинина 1974; Лаптева 1976; Земская 1979) и монологической (Лаптева 1995) речи.

Такой интерес объясняется, в первую очередь, тем, что устная форма языка постоянно меняется. Именно живая речь является своеобразным проводником изменений в более стабильную систему — язык. Особенно ярко эта динамика отражается в изменении лексикона языка, что достаточно легко объяснить. Известно, что язык — это «прежде всего и главным образом язык слов» (Морковкин 1987: 33). При этом «слово выступает не только как основная единица словарного состава, но и как центральная узловое единица вообще языка» (Смирницкий 1952: 183). Исследования последних лет показывают, что с лексической точки зрения язык бытовой коммуникации (повседневная разговорная речь) существенно отличается от академически описанного письменного языка: возникают новые, «нетрадиционные», значения слов, появляются неологизмы и окказионализмы, новые словообразовательные модели и новые возможности сочетания лексических единиц. Кроме того, в речевой коммуникации, по сравнению с письменной речью, наблюдается значительное перераспределение функциональной активности языковых единиц и проявляется сильная зависимость лексического инвентаря от типа конкретной коммуникативной ситуации и социальной роли говорящего в этой ситуации, от его психологического типа и состояния, его гендерных и некоторых других социальных характеристик. Несмотря на значимость неформальной и «непубличной» речевой коммуникации в жизни любого человека, именно этот аспект языка остается до сих пор наименее изученным — как раз вследствие своего непубличного, приватного или даже интимного характера.

Именно поэтому не угасает интерес и к лексикографическому описанию устной разговорной речи. Долгое время устной речью занимались в основном в рамках диалектной и социолектной лексикографии, противопоставленной так называемой академической лексикографии как дескриптивная (описательная) — прескриптивной (предписываемой, обязательной, нормативной). Однако до недавнего времени реальная повседневная речь, со всеми особенностями ее спонтанного порождения, практически не попадала даже в дескриптивные словари (см. Крысин 2010).

Лишь в самое последнее время стала обсуждаться возможность использования для лексикографического описания объемных корпусов реальной повседневной спонтанной речи (см. Богданова 2010), что позволяет говорить о принципиально новом этапе в развитии уже сложившейся и имеющей свои традиции дескриптивной лексикографии: существенном расширении ее материала и возможностей фиксации, анализа и описания. Эту разновидность, в отличие от всего предыдущего, уместно назвать речевой лексикографией (РЛ). Объектом ее описания становится не лексема как единица языка, а все равноуровневые функциональные единицы устной речи (речевые, условно-речевые и неречевые) в их конкретных употреблениях.

Такой поворот к изучению повседневной речи не случаен, ведь в речи любого носителя литературного языка обязательно присутствуют элементы, как минимум, разговорной или профессиональной речи; поскольку люди владеют не только несколькими речевыми стилями одного литературного языка, но и «специальными языками», социальными диалектами, тяготеющими к литературному языку или являющимися его подсистемами, а также неcodифицированными разновидностями языка в виде местных диалектов, жаргонов и проч., не говоря уже о владении иностранными языками. Ярче всего эта особенность проявляется в городской речевой ситуации, характеризующейся таким явлением, как полиглотизм (см. Ларин 1977 а, б). Источником материала для речевой лексикографии, описывающей такую полиглотическую городскую речь, является максимально естественная форма существования устной речи — повседневный спонтанный диалог или полилог.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что оно проведено в русле дескриптивного лексикографического описания повседневной устной диалогической и полилогической речи, обладающей максимальной степенью спонтанности и естественности. Именно такая речь в последнее время служит предметом активного интереса лингвистов. Исследование выполнено в рамках корпусного подхода к изучению речи, который также является одним из ведущих в современной науке.

В работе для определения характеристик исследуемых единиц привлекается ментальный лексикон говорящего, что соответствует требованиям современной психолингвистики и лексикологии.

Объектом исследования является повседневная разговорная речь, представляющая собой спонтанный устный текст, возникающий в процессе естественной коммуникации, чаще всего в виде бытового диалога или полилога, как основной материал для лексикографического описания.

Предметом исследования стали возможности и основные пути лексикографического описания русской устной повседневной разговорной речи, а также функционирование ряда лексических единиц из материалов Звукового корпуса русского языка.

Цель работы — дать анализ употреблений различных лексических единиц современной повседневной разговорной речи, рассмотреть возможные пути и принципы лексикографического описания их функционирования и на этой базе определить специфику речевой лексикографии.

Выбранная цель предполагает постановку и решение следующих **задач**:

- формирование теоретической научной базы исследования;
- анализ словарей разговорной речи;
- анализ существующих корпусов устной русской речи с целью определения источника материала для анализа;
- определение принципов речевой лексикографии;
- анализ возможных путей лексикографического описания русской повседневной разговорной речи;
- анализ употребления лексических единиц современной повседневной разговорной речи: 1) определение значений/функций единиц в их реальных речевых употреблениях; 2) определение коннотативных, ситуативных и социально обусловленных особенностей употребления лексических единиц в речи;

- проведение серии психолингвистических экспериментов с обращением к ментальному лексикону носителей языка, а также обращение к ресурсам Интернета — для уточнения особенностей функционирования анализируемых единиц в речи;

- разработка структуры словарной статьи Словаря русской повседневной разговорной речи.

Материалом для исследования послужил блок «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка (450 часов звучания, записанных от 50 информантов и почти 600 их коммуникантов, около 300 тыс. словоупотреблений в расшифровках), а также 50 тыс. реакций респондентов на различные стимулы в ходе психолингвистических экспериментов и около 100 тыс. интроспективных наблюдений носителей языка, извлеченных из Интернета методом сплошной выборки.

Методы исследования выбраны с учетом специфики объекта, материала, поставленных целей и задач. В работе используются: 1) метод контрастивного анализа; 2) метод заочного анкетирования; 3) описательный метод (наблюдение, обобщение, анализ, классификация).

Научная новизна работы заключается в подробном анализе употребления лексических единиц современной повседневной речи и в определении принципов речевой лексикографии как нового этапа развития дескриптивного лексикографического описания разговорной речи.

Теоретическая значимость исследования состоит в рассмотрении различных путей лексикографического описания устной повседневной разговорной речи, а также в определении понятия и принципов речевой лексикографии.

Практическое значение работы заключается в том, что рассмотрение возможных путей лексикографического описания спонтанной речи открывает широкие перспективы для создания разнообразных словарей, соответствующих принципам речевой лексикографии. Разработка принципов и структуры Словаря русской повседневной разговорной речи позволит в дальнейшем создать серию словарных статей (лингвистических эссе) для всех единиц его словника. Кроме этого, настоящая работа является частью большого проекта, направленного на формирование уникальной информационно-исследовательской лексикографической системы «Язык мегаполиса», предназначенной для создания настраиваемых мультимедийных словарей, описывающих современную русскую повседневную коммуникацию, и для многоуровневой обработки словарных данных по запросу пользователя.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В современной науке, в рамках дескриптивной лексикографии, складывается новое направление — речевая лексикография, целью которой является описание современной повседневной разговорной речи (т. е. устной спонтанной речи максимальной степени естественности во всем разнообразии ее функциональных единиц) и представление результатов такого описания в произведениях словарного или справочного типа, словники которых составляют конкретные употребления единиц спонтанной речи (словари не слов, но словоупотреблений).

2. Все исследования в рамках речевой лексикографии целесообразно выполнять в соответствии с принципом дифференциальности, т. е. подробно рассматривать только те единицы, употребление, значение или функции которых в речи хоть чем-то отличается от данных словарей.

3. Лексикографическое описание спонтанной речи опирается на массивы корпусных данных, представляющие записи устной диалогической и полилогической спонтанной речи, зафиксированной в наиболее естественных условиях, и может осуществляться несколькими путями: методом сплошной выборки, через описание наиболее частотных единиц речи (приведет к созданию Словаря дискурсивных единиц спонтанной речи) или через анализ отдельных лексико-семантических групп (приведет к созданию Словаря русской повседневной разговорной речи).

4. При составлении Словаря русской повседневной разговорной речи в качестве дополнительного метода целесообразно использовать психолингвистические эксперименты с обращением к ментальному лексикону носителей языка, что даст возможность проследить семантические, коннотативные и стилистические изменения в употреблении тех или иных единиц.

5. Словарная статья Словаря русской повседневной разговорной речи представляет собой объемное лингвистическое эссе, состоящее из многих зон, включая семантическую, морфологическую, ситуативную и пр., а также интроспекции, предложенные носителями языка.

Достоверность и обоснованность научных результатов обеспечивается при помощи обращения к обширному теоретическому материалу в области лексикографии, корпусной лингвистики, коллоквиалистики и психолингвистики, а также благодаря применению метода психолингвистического эксперимента, включающего заочное анкетирование и количественные подсчеты.

Апробация работы. Основные идеи, положения и результаты диссертационного исследования были апробированы в докладах и сообщениях на ряде научных конференций разного ранга: XXXIX, XL, XLI и XLIII Международные филологические конференции (г. Санкт-Петербург, март 2010, 2011, 2012 и 2014 гг.), XII Невские чтения «Язык и культура — основа общественной связности» (г. Санкт-Петербург, апрель 2010 г.), II Всероссийская научная конференция «Слово и текст в культурном сознании эпохи» (г. Вологда, сентябрь 2010 г.), XII Конференция молодых филологов (г. Таллинн, февраль 2011 г.), IV Международная виртуальная конференция по русистике, литературе и культуре (г. Ереван — Вермонт, март 2011 г.), XIII Невские чтения «Коммуникация в условиях глобальной информатизации» (г. Санкт-Петербург, апрель 2011 г.), Международные конференции «Диалог» «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» (г. Москва, май 2011 г. и июнь 2012 г.), Фразеологический семинар проф. В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург, декабрь 2013 г.).

Структура работы отражает ход исследования и включает введение, три главы, заключение, список использованной литературы, словарей и принятых сокращений, а также ряд приложений, содержащих образец анкеты для электронного опроса носителей языка, образцы лингвистических эссе (словарных статей) Словаря русской повседневной разговорной речи и количественные данные, полученные в ходе психолингвистических экспериментов (в диаграммах).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, его теоретическая и практическая значимость, определяются объект и предмет анализа, формулируются цель и задачи работы.

Первая глава исследования — «Разговорная речь как объект лексикографического описания: история, источники материала, перспективы» — посвящена анализу существующих словарей русской разговорной речи с целью выявления основных проблем лексикографического описания устной речи, а также обзору корпусов русского языка и иных баз данных, содержащих устные тексты, с точки зрения их использования как источника материала для подобных словарей.

В последнее время в русском культурном и языковом пространстве произошла своеобразная «переоценка ценностей», проявившаяся, в том числе, в смене нормативных основ литературного языка (Химик 2004) и обусловившая коллоквиализацию публичных сфер общения, насыщение их разговорными элементами (Крысин 2008: 110). Исторические события конца XX века вызвали постепенное сокращение доли высокообразованных людей в российском обществе, носителей литературного русского языка. Все это привело, по выражению В. В. Химика, к «тектоническому смещению функциональных стилей языка» (Химик 2004), а главное — к снижению уровня владения нормами литературного языка, к тому, что Л. П. Крысин назвал «люмпенизацией языка».

И. А. Стернин отмечает, что в современном российском обществе вследствие смены общественно-политической парадигмы происходит и смена коммуникативной парадигмы, т. е. доминирующего типа общения, результатом чего стали следующие процессы, как: 1) орализация общения (возрастание роли устной речи как формы существования языка, расширение ее функций); 2) диалогизация общения (повышение роли диалога в процессе коммуникации, формирование новых правил диалогического общения, развитие новых форм и видов диалогов); 3) плюрализация общения (демократическое сосуществование дискурсов различного типа); 4) персонификация общения (увеличение числа индивидуально неповторимых личностных дискурсов в коммуникативном пространстве языка) (Стернин 2000).

Наиболее заметно влияние этих процессов в лексико-фразеологической системе, где наблюдается и изменение коммуникативного ядра лексикона, и увеличение роли заимствования как одного из основных способов пополнения лексического состава языка. Кроме того, И. А. Стернин говорит об изменениях в русском бытовом дискурсе, «который стал диалогичнее, эмоциональнее, экспрессивнее и оценочнее, стал допускать более широкое использование единиц сниженных стилистических разрядов» (там же). Наконец, нельзя не сказать о произошедшей либерализации понятий языковой нормы и культуры речи, что выражается в увеличении количества допускаемых обществом отклонений от кодифицированных норм.

Таким образом, справедливым представляется утверждение Л. П. Крысина, что «современная разговорная речь по ее лексико-фразеологическому составу отличается от той разговорной речи, которая описана в работах Е. А. Земской и О. Б. Сиротининой» (Крысин 2008: 111): она неоднородна и диффузна по составу и включает в себя как единицы, традиционно имеющие помету разг. в лексикографических источниках, так и те единицы, которые имеют просторечное или жаргонное происхождение, однако широко употребляются носителями русского литературного языка.

Так или иначе, разговорная речь была и остается кузницей языка. Многие явления, первоначально появившись в ней, в дальнейшем проникли в общий литературный фонд языка. Это делает актуальным изучение современной русской разговорной речи, особенно ее лексических ресурсов, а также ее словарное описание, поскольку «именно совокупность лексикографических изданий отражает языковой облик эпохи, представляет

наиболее существенные изменения в лексиконе современной языковой личности» (Черняк 2004: 131).

В современной лингвистике лексикография определяется как самостоятельная научная дисциплина, занимающаяся созданием, изучением и использованием словарей (см. Дубичинский 2008: 8). При этом принято говорить о теоретической лексикографии, разрабатывающей типологию, макро- и микроструктуру словарей, и практической лексикографии, или собственно словарном деле. Русская лексикография в настоящее время представляет собой целый комплекс различных направлений. Однако в рамках настоящего исследования остановимся на рассмотрении понятий прескриптивной (академической) и дескриптивной (диалектной и социолектной) лексикографии.

Традиция прескриптивной академической (нормативной или толковой) лексикографии, ставящей перед собой в качестве цели «отражение только тех фактов лексики и семантики, которые характерны для стандартного современного общелитературного, общеразговорного употребления как в его письменной, так и в устной форме; ничего индивидуального, ничего окказионального» (Герд 1990: 29-30), находит отражение в таких важнейших словарях, как «Толковый словарь русского языка в 4-х томах» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940 гг.), «Словарь современного русского литературного языка в 17 томах», или Большой академический словарь (БАС) (с 1950 г.), «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (первое издание — 1949 г.), «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, получивший название Малого академического словаря (МАС) (1981–1984 гг.), «Малый толковый словарь русского языка» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной (1990 г.), «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (БТС, 1998 г.) и ряд др.

Наряду с этим существует богатая традиция дескриптивной диалектной (или региональной) лексикографии, предметом которой является лексика одного или нескольких говоров. В зависимости от широты территориального охвата лексики словари диалектов могут быть общими (включающими лексику всех диалектов языка), региональными (включающими лексику одного диалектного региона) и даже лексиконами одного говора. По принципу отбора лексики выделяются словари дифференциальные и полные (недифференциальные). В словаре первого типа представлены как слова, отсутствующие в литературном языке (*копотно* — ‘пыльно’, *нелайдница* — ‘беда’, *напятнить* — ‘посыпать, обсыпать’, *заяристый* — ‘задиристый’), так и слова, встречающиеся в литературной речи, но имеющие особое, диалектное, значение — так называемые семантические диалектизмы (*дворник* — ‘мужчина, пришедший жить в дом к жене’, *резкий* — ‘способный порезать’, *волочить* — ‘бороновать’). Словари полного типа включают все бытующие в речи носителей говора слова: общенародные и локально ограниченные (см. подробнее Дубичинский 2008: 248-249).

Кроме этого, существует и обширная история дескриптивной социолектной лексикографии, или социолектографии, занимающейся теорией и практикой составления словарей социальных диалектов (социолектов) (Рюмин 2008: 150). Под социолектом при этом понимается «речь “среднего индивида”», представляющего определенную социальную группу, культуру; иными словами, социолект — инвариантный признак социально маркированных подсистем языка» (Ерофеева Т. И. 2009: 28). Интерес к речи различных социальных групп общества подтверждается большим количеством лексикографических источников, число которых постоянно растет.

Однако непосредственно повседневная (бытовая) разговорная речь, со всеми особенностями ее спонтанного порождения, долгое время не была объектом лексикографического описания, в первую очередь, из-за трудностей технического характера: отсутствия возможности фиксировать в больших объемах максимально естественную повседневную речь носителя языка. В настоящее время, в связи с ростом научно-технического прогресса, позволившего создавать массивные базы данных разговорной речи, лексикографы все чаще обращаются к этому материалу, делая именно его объектом своего исследования. Таким образом, можно сказать, что, дескриптивная лексикография (диалектная и социолектная) получила в своем развитии еще одно направление, для обозначения которого можно предложить термин речевая лексикография. Научное обоснование подобного лексикографического описания в лингвистике хорошо проработано и базируется, в первую очередь, на изучении языка города. На этом языке разговаривает около 74 %¹ населения России. При этом именно в городской среде языковая и речевая «картина все время меняется в силу постоянного притока разнообразного населения, которое, ассимилируясь, привносит, однако, кое-что и свое, а главное, стирает все чересчур индивидуальное» (Ларин 1977а: 177-178). В городской среде в тесном взаимодействии постоянно находятся различные социальные, возрастные и профессиональные группы, «в силу этого языковое разнообразие города двояко: 1) оно не только во встрече разноязычных коллективов (будем называть это многоязычием города), но еще и 2) в многообразии языковых навыков каждой группы (спаянной каким-нибудь одним наречием), т.е. в двудиалектности и многодиалектности, — в зачаточном или совершенном полиглотизме горожан» (Ларин 1977б: 190-191). Именно этот полиглотизм и дает возможность выделять язык города из ряда диалектов, и говорить о нем как об особом языковом и речевом явлении. Эта идея была высказана в 20-х годах Б. А. Лариным и определила появление нового, особого, направления языкознания, связанного с изучением лингвистической ситуации города. В своих работах автор настаивает на изучении языка города не как «сниженного литературного языка» и не как «облагороженной крестьянской речи», а как отдельной, самостоятельной сущности, поскольку последний не совпадает по своей социальной основе и лингвистическим признакам ни с литературным языком, ни с диалектами, являя, наряду с ними, «третий основной круг языковых явлений» (Ларин 1977а: 178). В дальнейшем идея изучения языка города нашла отражение в работах многих выдающихся лингвистов. Так, говоря о речи Петербурга, нельзя не отметить работы В. В. Колесова (Колесов 1991, 1998); речь Москвы стала объектом изучения М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой (Китайгородская, Розанова 2005), речь Заполярья и Приполярья — А. С. Герда и его коллег (Герд 1984, 1986). Различные аспекты этой проблемы отражены и в работах Е. В. Красильниковой (Красильникова 1988), О. Б. Сиротининой (Сиротинина 1988) и Л. П. Крысина (Крысин 1989, 1994). Значительный вклад в эту область внесли и лингвисты Пермской лингвистической школы, например, Т. И. Ерофеева (Ерофеева Т. И. 1991, 2004, 2009).

Лексикографическому же описанию языка и речи города долгое время не уделялось должного внимания, однако в последние десятилетия появился ряд работ, рассмотрение которых позволяет сделать определенные выводы относительно направлений такого исследования.

¹ По данным Федеральной службы государственной статистики на 2013 год.

Для определения основных принципов речевой лексикографии был проведен анализ пяти словарей/проспектов словарей (Скляревская 2004; Толковый словарь русской разговорной речи 2010; Осипов 2003; Химик 2004; Морозова 2010) по таким параметрам, как 1) принцип отбора материала и состав словника; 2) принцип подачи иллюстраций; 3) принцип отражения многозначности и грамматических особенностей; 4) принцип построения словарной статьи.

Проведенное сопоставление показало, что ключевым в организации дескриптивного словаря является принцип дифференциальности, оказывающий влияние и на отбор материала для словника, и на выбор источников иллюстративных примеров, и даже на структуру словарной статьи. По сути, все остальные принципы, выдвигающиеся в качестве основных составителями анализируемых словарей, выступают как более частные «проявления» или модификации принципа дифференциальности (например, принцип региональной маркированности или антропоцентричности). При отходе от этого принципа лексикограф неизбежно сталкивается с проблемой переизбытка информации, а также отступает от главной цели — описания русской живой разговорной речи, возвращаясь к ставшему уже традиционным описанию русского разговорного языка. С точки зрения лексикографического описания именно разговорной речи (реальных употреблений), наиболее удачным представляется «Толковый словарь русской разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина, что объясняется и соблюдением вышеуказанного принципа дифференциальности, и обращением к записям устной речи в качестве иллюстративного материала, и интересным решением структуры словарной статьи. Однако ни один из существующих словарей не дает возможности в полной мере проследить особенности употребления лексических единиц в наиболее естественной современной повседневной разговорной речи, что отчасти связано с вопросом поиска материала, который предоставил бы возможность комплексного лексикографического исследования такой речи. Объектом описания всех представленных словарей является слово (лексема). Однако для комплексного представления русской повседневной разговорной речи такой подход представляется недостаточным, так как он не затрагивает, в частности, условно-речевые единицы, которые и создают речевое разнообразие русского языка. При этом вообще отказываться от лексикографического описания речи не стоит, поскольку оно является одним из наиболее оптимальных способов представления языкового и речевого материала, ведь, как писал Ю. Н. Караулов, «любые данные о языке (а значит, и речи. — Н. О.) могут быть представлены в лексикографической форме» (Караулов 1986: 13).

В современной лингвистике существует появившееся в Казанском университете во второй половине 80-х годов направление лингвография, объектом описания которой является язык, различные языковые единицы (см.: Компьютерная лингвография 1995: 8). Результатом работы лингвиста в этом случае становится не словарь, а так называемый лингварий — «справочник, представляющий пользователю упорядоченную совокупность языковых единиц (слов, морфем, словосочетаний и т. п.) и их характеристики» (там же: 11). С учетом такой «предыстории» термин речевая лексикография целесообразно ввести для обозначения направления лингвистических исследований, занимающихся описанием современной устной повседневной разговорной речи во всем многообразии ее функциональных единиц) и представляющих результаты такого описания в произведениях словарного или справочного типа. Источником материала для речевой лексикографии становятся собрания записей (корпусы) устной речи, поскольку именно

корпусный подход к описанию явлений живой речи позволяет положить в основу такого описания две самые важные вещи — словарь и грамматику. Речь идет, разумеется, о словаре и грамматике не языка, который описан в этом отношении достаточно полно и всесторонне, а о грамматике речи и речевом лексиконе, к созданию которых современная лингвистика еще только подступает.

Под корпусом в настоящей работе понимается любое собрание письменных и/или устных текстов, доступных в компьютерной форме и снабженных достаточной аннотацией и документацией, позволяющей использовать данные как для внутреннего, так и для внешнего пользования (см. Handbook of Standards... 1997: 79).

Для исследования речевого лексикона стоит использовать корпусы, содержащие образцы устной речи. Однако, хотя в настоящее время корпусное описание русского языка активно развивается, в большей степени оно представляет письменные тексты различных жанров (это и художественная литература, и публицистика, и научно-популярные тексты, и др.). Из существующих в настоящий момент широко известных корпусов русского языка только два содержат устные тексты — это «Национальный корпус русского языка» и корпус «Рассказы о сновидениях», представляющий речь детей и подростков (проект А. А. Кибрика и В. И. Подлеской). Очевидно, что эти работы открыли новые горизонты для работы лингвистов по исследованию устной речи. Однако записи Национального корпуса русского языка были сделаны в разное время, разными специалистами, исходя из разных принципов, а корпус «Рассказы о сновидениях» представляет только речь детей, частично больных, что ограничивает возможности использования данного материала с целью получения лексикографической картины современной устной повседневной речи.

Во второй главе — **«Повседневная разговорная речь: обоснование выбора материала исследования»** — рассматривается соотношение таких ключевых понятий, как устная речь, разговорная речь, спонтанная речь, живая речь. Известно, что в настоящее время, ввиду активного изучения в лингвистике УР, возникает большое количество новых терминов и новых трактовок уже существующих понятий. Особое внимание в научной литературе уделяется рассмотрению понятия спонтанной речи, поскольку исследования именно такой формы существования языка позволяют судить о том, как мы говорим в нашей повседневной жизни.

В настоящей работе под спонтанной речью понимается «форма устной речи, которая может сочетаться с различной степенью подготовленности (обдуманности) ее содержательной стороны и использоваться в различных ситуациях общения (разговорный диалог или полилог, беседа, свободный монолог, доклад или лекция, читаемые без опоры на письменный текст, и др.)» (Фонетика спонтанной речи 1988: 5).

При этом для лексикографического описания важна именно повседневная разговорная речь, т. е. спонтанная речь, характеризующаяся максимальной степенью естественности, так как именно она является отражением повседневного речевого поведения носителя языка. Особый же интерес представляют спонтанный диалог и полилог как основные и наиболее естественные формы речевой коммуникации.

Думается, что для рассмотрения возможностей лексикографического описания спонтанной речи целесообразно обратиться к проекту «Один речевой день» (ОРД) в рамках Звукового корпуса русского языка (ЗКРЯ), который фиксирует повседневную бытовую речь носителей русского языка в ее наиболее естественной форме. Методика 24-часовой записи, используемая при формировании данного блока ЗКРЯ, обеспечивает почти полную свободу говорящего от диктофона и от тех или иных коммуникативных

заданий (чтение, пересказ, описание изображения, рассказ на заданную тему), которые неизбежно усложняют его задачу и обеспечивают «на выходе» хоть и вполне спонтанную, но все же экспериментальную речь (см. подробнее о ЗКРЯ: Звуковой корпус... 2013). Кроме этого, материалы блока ОРД представляют речь города, в отличие от речи деревни или кодифицированного литературного языка, и позволяют «услышать» тот самый речевой полиглотизм, о котором писал Б. А. Ларин, за счет привлечения информантов разных профессий, происхождения, возрастных и социальных групп, а также большого количества коммуникантов, речь которых звучит как своеобразное городское многоголосие. В пользу обращения к ЗКРЯ говорит и то, что именно корпусный подход «отражает точку зрения многих лингвистов на то, каким должно быть адекватное “эмпирическое” изучение языка» (Meуer 2004: 141), а также позволяет выявить новые тенденции, новые языковые явления, отражающиеся, прежде всего, в индивидуальной речи конкретных носителей языка. Именно материал блока ОРД в составе Звукового корпуса и стал основой настоящего исследования.

Третья глава работы — **«Русская устная повседневная разговорная речь: возможности лексикографического описания»** — представляет собой опыт анализа корпусного материала для его последующего лексикографического описания. Как уже отмечалось, результаты работы в рамках речевой лексикографии могут быть представлены в произведениях словарного или справочного типа. Стоит, однако, остановиться подробнее на том, что может представлять из себя словарь в рамках речевой лексикографии.

Уже давно появились словари, описывающие не слова в традиционном понимании этого термина, а другие, не менее важные, языковые единицы — морфемы, фразеологизмы, крылатые выражения или фонетические слова и т. п. Такие словари, в отличие от традиционных, можно назвать лингвариями (см. Компьютерная лингвография 1995). Появились и совсем нетрадиционные формы словарей — ср., например, «Путеводитель по дискурсивным словам» А. Н. Баранова с коллегами (Путеводитель... 1993). Специфика этих словарей связана, в первую очередь, с нетрадиционностью (для существующей лексикографической практики) материала, который они представляют, а также с особенностями построения словарной статьи.

По существующей в коллоквиалистике (лингвистическая дисциплина, изучающая устную речь, общение, коммуникацию; иными словами, теория разговорной речи — см., например: Скребнев 1985) классификации², выделяются неречевые, условно-речевые и речевые функциональные единицы спонтанной речи.

К неречевым относятся паралингвистические элементы звуковой цепи, такие как покашливание, смех, усмешки, вздохи, которые часто сопровождают речь говорящего, а также невербальные хезитации (э-э, м-м и под.).

К условно-речевым единицам относятся дискурсивы, хезитативы различной структуры (в том числе слова-паразиты), обрывы, оговорки. Все они не имеют определенного денотата и являются маркерами порождения высказывания.

Под речевыми понимаются вербальные единицы, обладающие обязательными признаками слова — фонетической, морфологической, лексико-семантической

² В основу этой классификации положена концепция, разработанная авторами для составления семантического словаря (см. Русский семантический словарь 1998).

целостностью (см. подробнее: Куканова 2009: 173-177), т. е. собственно лексические единицы.

Характерные особенности каждого класса функциональных единиц спонтанной речи, в свою очередь, обуславливают различия и специфику словарей, содержащих их описание. В то же время есть ряд общих положений, которые справедливы для лексикографического описания как речевых, так и условно-речевых функциональных единиц.

Во-первых, все работы в этом ключе должны следовать принципу дифференциальности, т. е. рассматривать только те единицы, употребление которых в речи хоть чем-то отличается от данных языка, зафиксированных в словарях.

Во-вторых, основная задача речевой лексикографии — отражение тех значений единицы, которые зафиксированы в конкретном ее употреблении носителем языка. В этом подобный подход, который можно считать ключевым для РЛ, с одной стороны, перекликается с лексико-грамматическими исследованиями, получившими название теории языка, основанной на употреблении (см. Tomasello 2003). С другой стороны, обоснование такого подхода можно найти в современных теориях прагматики, предполагающих зависимость слова от контекста (см. Barsalou 1993; Evans 2006). Иными словами, речевая лексикография заимствует из теории прагматики представление о том, что слова сами по себе не обладают значениями. Значение слова — не что иное, как его функция в конкретном высказывании (см. Varga, Tirassa 1999; Evans 2006: 492).

В то же время речевая лексикография, рассматривая значения слов в их конкретном употреблении, акцентирует свое внимание именно на их лексикографическом представлении, оставляя другие аспекты прагматики в стороне. Таким образом, в словарях, созданных или создаваемых в рамках РЛ, словники составляют конкретные употребления единиц спонтанной речи.

В зависимости от класса описываемых единиц работа лексикографа может осуществляться различными способами, которые приведут, соответственно, к различным результатам. Это разнообразие и позволит, в конечном итоге, создать уникальную информационно-исследовательскую лексикографическую систему «Язык мегаполиса», включающую в себя мультимедийные словари, описывающие современную русскую повседневную коммуникацию, среди которых наиболее интересным представляется создание специального Словаря русской повседневной разговорной речи, отражающего реальную речевую ситуацию.

Определение «повседневная» в наименовании данного словаря неслучайно. В гуманитарных исследованиях антропоцентрической направленности ярко проявляется интерес к языку повседневности, поскольку именно язык является ключевым объектом «при анализе повседневности во всей ее полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь» (Касавин, Щавелев 2004: 410). Более того, именно устная спонтанная речь, с ее характерными особенностями (повторами, избыточностью формы, эмоциональностью и субъективностью), должна быть источником описания повседневности, поскольку подобная «непричесанность» устного повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полуосознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» (Томпсон 2003: 277).

Лексикографическое описание спонтанной речи на материале ОРД может осуществляться, как представляется, несколькими путями. Во-первых, можно

руководствоваться методом сплошной выборки и включать в словарь все единицы словника подряд. Во-вторых, можно начать с описания функционирования наиболее частотных речевых употреблений и, в-третьих, с отдельных лексико-семантических групп.

Анализ единиц, полученных методом сплошной выборки, имеет то существенное преимущество, что позволяет выявить тенденции изменений в функционировании единиц абсолютно разного уровня (это и речевые, и условно-речевые единицы). Например, употребление слова париться преимущественно в значении 'переживать, много думать о чем-н., беспокоиться'; функционирование конструкции учитывая что в устной речи в значении союза причины, синонимичного потому что, поскольку, так как; появление в устной речи не зафиксированных в словарях союзов *не говоря о том что/чтобы, хоть..., хоть* и конструкций *в том плане что* и *единственно что*.

Остановимся подробнее на конструкции *в том плане что*. В исследуемом материале обнаружилось различные ее употребления, позволяющие их семантически дифференцировать. В ряде случаев *в том плане что* выступает как конструкция со словом *план* в значении 'смысл', 'отношение' (и это требует уже специального семантического анализа употреблений данного слова):

- [№ 2, жен, 19] *Ну это тебе удобней. Не / просто знаешь / у нас в том плане классно / что сессию...* [Разговор двух студенток при встрече (2000-2005)];
- [Хакамада, жен] *Я с вами согласна в том плане / что масштабные армейские операции / зачистительные / т. е. операции вооруженных сил не подходят для таких операций / которые требуются в Чечне для вылавливания террористов* [Беседа И. Хакамады со слушателями радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004].

Другие же контексты позволяют увидеть явно новый составной союз с различными, хотя и близкими значениями:

1) причинные (синонимично *потому что, поскольку, так как*):

- *то есть а я (э...э) вот (э...э) то есть вот я () у нас(?) достаточно недоверчиво *Н / жёстко в некоторых моментах / да вот ? там бывает там / так далее / *В ну (...) со мной / как бы () как говорится / намного легче в том плане / что я могу поворчать / но я всё равно это сделаю // *П то есть я (...) то есть я никуда не уйду / то есть я / *В может и ответчу / да ? *В как-нибудь / но потом я всё равно это сделаю / то есть и так далее и так далее // вот (ОРД);*
- *день как назло не удался / в том плане что был дождь / моросил* (САТ — сбалансированная аннотированная текстотека в составе ЗКРЯ; см. подробнее: Звуковой корпус... 2013);
- [Лена, жен, 20] *Это меня / понимаешь / заставляет беспокоиться в том плане / что надо очень / очень срочно...* [Разговоры на прогулке (2006)];

2) пояснительные (синонимично *то есть*):

- *Значит может быть в какой-то степени э-э мне нужно было бы / э-э чуть-чуть изменить себя в том плане что / значит э-э вот / допустим взять билет / в воскресенье н... э-э на какой-нибудь спектакль или куда-нибудь / и уже четко знать что я / обязан пойти / значит* (САТ);
- [Алексей Цверов, муж, 24] *Оль / ээ... я хотел бы чуть поподробнее остановиться на том / м-м-м... вообще как строится работа ээ... с клиентом и вы / как агентство / вообще что вы говорите клиенту / в том плане / что... к-какие це-цели / какие ки-пий* [ключевые показатели эффективности (англ.)] [А. Цверов, О. Старченко. Подкаст Social Media Club // podfm.ru, 2011].

В ряде контекстов с пояснительным значением союза замена его на *то есть* оказывается почти невозможной, в них уместнее оказывается подстановка на место *в том плане что* конструкции *я имею в виду, что*. Последнее, впрочем, еще больше затрудняет грамматическую интерпретацию:

- (э-э) н... (у-у) ну нет ! это я **в том плане что** / (э-э) хорошо / что там его тут же где-то кто-то там чего-то всё-таки повязали / *П ну / наверно рядом находящиеся сообразительные мужчины (ОРД);
- [Андрей Келлер, муж] Я лично / скажу честно / рад тому / что удалось сформировать из коллектива администрации коллектив единомышленников **в том плане / что** действительно / все работали / не считаясь ни с личным временем / ни с тем / чей это объект / лесников / это совхозные земли / это земли торфяников / или это земли поселений гослесфонда [Радиопутешествие по городам и районам Подмосковья: Шатурский район // РТВ «Подмосковье», 2006].

Очевидно, что особенности употребления как этой, так и других анализируемых в работе конструкций, должны найти отражение в Словаре русской повседневной разговорной речи.

Однако полномасштабное лексикографическое описание большого объема единиц, отобранных методом сплошной выборки, неизбежно выходит за рамки одного исследования в связи с большим количеством необходимых временных и человеческих ресурсов. Кроме этого, разнообразие анализируемых единиц, среди которых встречаются как собственно лексические (речевые), так и условно-речевые, делает невозможным структурный подход к их описанию — представленные типы явлений обладают своими индивидуальными особенностями.

Подробный анализ наиболее частотных единиц словника ОРД на примере первых десяти (*я, не, вот, ну, да, а, и, что, в, это*), а также некоторых единиц, которые без изучения контекстов можно принять за существительные (*блин, типа, время*), показал, что все они в своих конкретных употреблениях представляют собой в первую очередь условно-речевые единицы, выполняющие в русской повседневной речи лишь определенные функции, что можно продемонстрировать на примере частицы *ну*.

Данная частица, являясь текстовым коннектором³, часто употребляется в начале фрагмента текста, что, по мнению О. А. Лаптевой, является ее «маркированной функцией» (Лаптева 1999: 492; см. также о ну как об одной из «частиц-скреп» в начальной позиции во фразе: Гришина 2007). Таких примеров в нашем материале достаточно много:

- *В **ну** вот там ещё есть / подожди / здесь же ещё... / всё-таки мы () вот с той стороны же был / ещё короче мостик какой-то;
- **ну** / это всё здорово / я думаю что / Захару / может / неудобно будет кушать тут / с утра;
- **ну** / я не знаю / в шесть или в семь / я думаю что / я одну оставлю;
- **ну** знаешь (...) этого самого(:) / Володю(:) Шагиданова я тебе не посоветую / он ... *В у нас работают в авт... в автокаде.

Правда, несколько иного мнения придерживается на этот счет А. Д. Шмелев. В соответствии с его гипотезой (см. Шмелев 1998: 152), «общая идея частицы *ну* связана с “вынужденным говорением”. *Ну* уместно, когда развитие коммуникативной ситуации

³ Коннекторы — это формально неизменяемые слова, которые маркируют связи между так называемыми сверхфразовыми единствами. Коннекторы не являются отдельной частью речи. В этот класс объединяют некоторые союзы, некоторые частицы и некоторые наречия (см. о них, например: Урысон 2012).

заставляет говорящего сказать нечто; говоря это, он апеллирует к тому, что уже в какой-то степени известно адресату речи, и выражает установку на взаимопонимание и кооперацию. Поэтому частица *ну* **не может фигурировать в абсолютном начале дискурса** (выделение мое. — Н. О.), в составе полностью инициированной реплики. Слово *ну* указывает на то, что данный фрагмент в каком-то смысле вытекает из того, что уже рассказано, и говорящий рассчитывает на то, что адресат речи это понимает» (Шмелев 2005: 520). В случае, когда *ну* все же оказывается в начале текста, решающим, по мнению А. Д. Шмелева, «оказывается наличие предшествующей ситуации, которая детерминирует необходимость какой-то начальной реплики (оба участника коммуникации понимают, что надо как-то начать общение)» (там же).

В нашем материале *ну*, часто в составе различных дискурсивных конструкций, маркирует и конец фрагмента текста:

- *даже в ноябре # а Новый год? вот а что там делать в Новый год? # ничего @ ну;*
- *Настенька может не возьмут / я не знаю / я не знаю @ ну;*
- *вот мне кажется что да // # мы померяем и купим / всего слушай / *П *Н # ну может быть не срочно / **ну вот так вот;***
- *а она ф-ш-з / перее всех приходила / короче сразу со стартом / **ну вот.***

Такие употребления *ну* Е. А. Гришина относит к разряду «контактных слов», наряду с обращениями (**Ребя!** / *ну* / *ну не надо!*) и глаголами, привлекающими внимание адресата к высказыванию (обычно в императиве или во 2 л.) (**Слышь** / *брат! Ты мне поможешь / я тебе помогу / все люди братья!..; Здесь же формулы! Адски трудно / **посмотри!** А?) (Гришина 2007).*

Кроме того, *ну* может использоваться для уточнения сказанного или побуждения продолжать прерванное высказывание, выражать отказ от первоначального намерения говорить или иметь противопоставительно-выделительное значение, заменяя при этом союз *но* (Vocale 2011), ср.:

- *я всё думаю / просто может быть / в объявлении указывать ? нет / **ну** хотя я в объявлении указываю что (...) где-то вот так вот.*

А. Д. Шмелев выделяет еще и такие разновидности употребления этой частицы в речи, как «*ну* “поиска”», «*ну* “выбора”» и «*ну* “согласия”», «призывное», «требовательное» и «умоляющее» *ну*, *ну* как «маркер коррекции» (вслед за Ю. В. Дараган) или «частичной уступки», риторическое *ну*, а также ряд др. (Шмелев 2005: 520-523). См. также другие, весьма многочисленные, лингвистические работы об этой частице: Баранов, Кобозева 1988; Левонтина 1999; Дараган 2000, 2002, 2003.

Как эти наблюдения, так и проведенный анализ остальной «частотной верхушки» словника ОРД позволяют говорить о том, что функциональное разнообразие употреблений исследуемых единиц требует соответствующего полномасштабного описания в словаре дискурсивных единиц (вербальных хезитативов, хезитационных конструкций) или служебных слов, что, конечно же, заслуживает отдельного внимания (см., например: Богданова 2012), однако не входит в задачи настоящего исследования.

Последнее же направление — анализ отдельных лексико-семантических групп (ЛСГ) — затрагивает собственно речевые, т. е. лексические, единицы, а именно их номинативный макрокласс, т. е. слова, у которых обязательно есть денотат, что и позволяет поставить во главу угла семантику слова в его употреблении и проследить семантические, коннотативные и стилистические изменения в употреблении тех или иных

лексем. Именно этот способ целесообразно использовать при составлении Словаря русской повседневной разговорной речи, целью которого является, прежде всего, отражение особенностей функционирования лексических единиц в естественной русской бытовой коммуникации.

Для того чтобы посмотреть, каким образом может осуществляться лексикографическое описание такого рода, было решено в качестве примера остановиться на одной группе русской лексики: словах с обозначением лица женского и мужского пола. Эта микросистема наименования лиц в научной литературе называется по-разному. Так, Ю. Н. Караулов пишет о «семантическом поле слов, обозначающих лицо: названия лиц по возрасту, названия ребенка, профессиональные названия и т. д.» (Караулов 1976: 40). И. Ф. Протченко использует для обозначенной лексико-семантической микросистемы такие наименования, как категория названий лиц или категория личных имен существительных (Протченко 1975: 272, 273). В настоящей работе, вслед за Л. В. Дуличенко, используется термин антрополексическая микросистема (Дуличенко 2000), единицы которой можно назвать антрополексемами. Именно антрополексема — наименование человека/лица мужского и женского пола — становится объектом детального исследования в этой главе работы. При этом следует различать нарицательные и собственные антрополексема (последних, т. е. антропонимов, мы в работе не касаемся).

Для начального этапа исследования мы ограничились следующими группами слов:

- 1) наименования по половому признаку (*женщина, баба, тётя, мужчина, мужик, дядя*);
- 2) возрастные наименования (*девочка, бабушка, юноша, старик*);
- 3) наименования с учетом семейного статуса (*женщина — девушка, девка; мужчина — парень*).

Материал для конкретного описания был получен методом сплошной выборки: из компьютерной версии «Словаря русского языка» (МАС) в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой (МАС 1999) были извлечены 76 слов, удовлетворяющих исходным принципам, — общие наименования лиц женского и мужского пола с учетом только возраста и семейного статуса. С помощью ряда специальных компьютерных программ удалось сопоставить словник исследуемых единиц с полным конкордансом ОРД. На первом этапе такого сопоставления список слов для дальнейшего лексикографического описания существенно сократился, поскольку из 76 исходных единиц в ОРД оказались зафиксированы только 44, а часть единиц была исключена по причине несоответствия их значений в контекстах ОРД исходным критериям.

Кроме этого, в расшифровках ОРД были найдены антрополексема, не зафиксированные в МАС, но употребляющиеся в контекстах для обозначения лиц мужского или женского пола. В результате были определены окончательные списки слов для лексикографического описания (см. табл. 1 а, б).

Таблица 1

Окончательный список слов, обозначающих лицо женского (а) или мужского (б) пола, подлежащих лексикографическому описанию

а)

№№	Антрополексема	№№	Антрополексема
1	Баба	11	девочка
2	Бабища	12	девушка
3	Бабка	13	девчонка

4	Бабулька	14	женщина
5	Бабуля	15	старая дева
6	Бабуська	16	старуха
7	Бабушка	17	старушка
8	бабца/бабец	18	тётенька
9	Барышня	19	тётка
10	Девка	20	тётя

б)

№№	Антрополоксема	№№	Антрополоксема
1	Дед	12	мужик
2	Дедун	13	мужичок
3	Дяденька	14	мужчина
4	Дядечка	15	мужчинка
5	Дядька	16	парень
6	Дядя	17	пацан
7	малой	18	старичок
8	Мальчик	19	старпёр
9	Мальчишка	20	чувак
10	Мальчонка	21	юноша
11	молодой человек		

Подробный контрастивный анализ показал, что несмотря на то что в большинстве случаев значения единиц по МАС и в контекстах ОРД совпадают, можно говорить и о таких явлениях, как:

- наличие в контекстах ОРД коннотаций (например, *девка, старушка*), не зафиксированных в МАС;
- наличие в контекстах ОРД значений слов (например, *мальчик, девочка, девчонка, барышня*), не зафиксированных в МАС;
- наличие в контекстах ОРД единиц, относящихся к данной ЛСГ (*дедун, мужичок, мужчинка, бабец, бабуська, бабулька, чувак, малой, старпёр, дядечка*), не зафиксированных в МАС;
- наличие особых случаев сочетаемости лексем (*дядя, тетя*), не зафиксированных в МАС;
- наличие идиом, включающих единицы данной лексико-семантической группы (*тетя Мотя, молодой человек*), не зафиксированных в МАС.

Для определения отдельных значений и коннотаций единиц было решено обратиться к ментальному лексикону носителей языка. При этом в настоящем исследовании под ментальным лексиконом понимается, в первую очередь, наивное представление носителя языка о значении слова, о возможностях его употребления, стилистике и различных коннотациях, ср.: МЛ — это «известная индивиду часть общенационального словарного запаса, хранимая в памяти в таком же (или близком к этому) виде, в каком слова описываются в печатных словарях и лексикографических исследованиях» (Залевская 1999: 141-142).

В настоящем исследовании обращение к ментальному лексикону носителей языка было проведено двумя различными способами. В первом случае анализировались интроспективные описания тех или иных конкретных лексем в Интернет-ресурсах, а во втором была проведена серия электронных опросов (психолингвистических экспериментов), в которых носителям языка предлагалось дать определение или описать употребление в своей речи тех или иных лексем. Таким образом, в обоих случаях исследуется материал одного типа, а именно — самоанализ индивидуального словаря

носителя языка, что и дает право объединить полученные данные. Кроме этого, в МЛ отражаются и представления человека о мире, т. е. его языковая картина мира. При этом важно помнить, что «центральное место в языковой картине мира занимают представления бытовые, которые основываются не на анализе и четкой формальной логике, а на повседневных наблюдениях и обобщениях» (Ерофеева, Пепеляева 2011: 8-9). При анализе отдельных единиц проводились также дополнительные электронные опросы для прояснения тех или иных особенностей (например, определение, какая форма — *бабеч* или *бабца* — является правильной, по мнению респондентов, и пр.).

Для того чтобы продемонстрировать ход и результаты анализа, рассмотрим подробнее одну из исследованных единиц — антрополоксему *мужчинка*.

Для начала приведем существующие определения этой единицы в существующих словарях. Так, «Толковый словарь русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой наделяет *мужчинку* тем же значением, которое свойственно лексеме *мужчина*. Более подробное определение дает Большой академический словарь (БАС):

- **Мужчинка**, и, род. мн. нок, м. Простореч. Уменьш.-ласк. к мужчина (с оттенком уничижения, фамильярности). [Я] купила у одной соседней госпожи двух маленьких карлов... Мужчинка называется Николай, а карлица Марья. Леск. Стар. годы в с. Плодомасове. Ты чудеснейший мужчинка, которого решительно все любят. Чайков. Письмо А. И. Чайковскому, 8-11 дек. 1878 (БАС 1957: 1349).

«Псковский областной словарь» (ПОС) выделяет такие значения, как ‘мужчина’, ‘муж, супруг’ и ‘юноша-подросток’ (ПОС 2007: 46). Наконец, «Словарь русского арго» отмечает, что данная лексема используется, когда речь идет о мужчине, преимущественно среди девушек и женщин (Словарь русского арго 2002).

Изучение контекстов ОРД и сети Интернет, а также проведение опроса показало, что у данной единицы есть несколько параллельно употребляющихся значений, ранее не зафиксированных в словарях, отличающихся различными стилистическими, семантическими и коннотативными характеристиками. Рассмотрим их подробнее.

- 1) ‘наименование мужчины’ (уничиж., пренебр.);
- 2) ‘собирательный образ «нового мужчины»’ (жен.);
- 3) ‘маленький мальчик, который уже чем-то напоминает мужчину: поступками, внешним видом, суждениями’;
- 4) ‘любовник’ (уменьш.-ласк., жен.);
- 5) ‘несерьезный соперник’ (муж.);
- 6) ‘представитель сексуальных меньшинств’ (нейтр., муж.);
- 7) ‘манерный мужчина’.

При этом в ОРД встретилось употребление данной лексемы лишь в значении ‘любовник’ (4), см. примеры:

- *ну как всегда у неё // достаёт класный телефон / тут ни с того ни с сего / *П начинает мне говорить / *В вот этот мужчинка / я уже не раз от неё такое слышала / она вот () рассказывала // да? *Н ...;*
- *этот мужчинка типа // а на () короче заслуженный (э) певец Украины // при том что () он в меня влюблен в меня / он меня любит вот // и я () его тоже люблю // ну и конечно ему сорок два года / и у него есть жена / семья // *П вот // поэтому () как бы я его люблю он меня так любит но нам никогда не быть вместе *П // вот // и короче показывает // такой мужчина *Н такой // ну вот // *П вот // такой симпатичный // @ну понятно // @ (э-э) вот...*

Остальные же значения были получены благодаря анализу Интернет-ресурсов и опросу респондентов, ср.:

- *таким образом я всегда разделяю весь мужской род, так сказать на 2 половины, и мои знакомые всегда понимают: если я говорю — «этот мужчина», — значит уважаю, считаю хорошим человеком, настоящим мужчиной, а если «мужчинка», сами понимаете... считаю говном. Можно прожить 50 лет и так и остаться «мужчинкой», имея за плечами тысячи половых связей. А можно уже родиться настоящим мужчиной и, живя, каждым своим поступком оправдывать это высокое звание [значение 1];*
- *Мужчина зачастую является быдлом. Смотрит футбол, пьет пиво, жрет колбасу. Мужчинка – это всегда утонченный интеллект, эстет, сибарит. Он галантен, подчеркнуто вежлив, обходителен. Мужчинка редко позволит себе повысить голос или объяснить что-то в грубой форме. Манера общения мужчинки поражает своей учтивостью и выдержанностью. Ему нравится производить неизгладимое впечатление на окружающих людей [значение 2];*
- *Ой Казявочка:)))) С новым годиком его:)) Мужчинку твоего:)))) Три годика уже – ого-го, какой мужчинка [значение 3];*
- *Кто такой мужчинка? Ясень пень — голубой, и никак иначе [значение 6];*
- *Было дело. Рядом с домом была парикмахерская. Стриг именно мужчинка... Манерный такой [значение 7].*

Кроме этого, благодаря обращению к ментальному лексикону стало возможным составить своеобразный словесный портрет мужчинки, существующий в сознании носителей русского языка:

Возраст: *средних лет, младше, чем «папик», половозрелый.*

Внешний вид: *плюгавенький, с залысинами, невысокий, среднего роста, неопрятный, в сером пиджаке с латаными рукавами, штаны с пузырями на коленях, в майке-алкоголичке, на лице — следы юношеских угрей, кривенький, тощенький, щупленький, в засаленном дешевом костюме, суетливый, пальто и кепка.*

Характер: *трус, трусоватый, суетливый, всего боится, от всего робеет, вежливый, но пакостный и злопамятный, ни рыба ни мясо, эгоист.*

Социальный статус: *работает посменно, клерк, Акакий Акакиевич, имеет жену «бабец» и дочь «девку», бомжесватый, с подхалимажем в глазах.*

Проведенный анализ отдельных антрополексем позволил разработать структуру как самого Словаря русской повседневной разговорной речи, так и его словарной статьи. Ключевыми в организации такого словаря являются принцип дифференциальности и корпусный подход, которые и определяют состав словника: в словарь войдут только те речевые употребления антрополексем, которые обнаружались в блоке ОРД Звукового корпуса русского языка и обладают какой-то спецификой по сравнению с существующими лексикографическими описаниями.

Планируется, что Словарь русской повседневной разговорной речи будет представлен в двух вариантах: бумажном и электронном, с возможностью прослушать любой звуковой фрагмент, включающий исследуемую единицу.

Следует также отметить, что в связи со спецификой материала, словарная статья будет представлять собой своеобразное и довольно объемное лингвистическое эссе, задача которого — представить особенности того или иного речевого употребления антрополексемы в повседневной речи, а также восприятия его носителями языками (через

обращение к их МЛ). Структура словарной статьи Словаря русской повседневной разговорной речи создавалась на основании полученных в ходе контекстного анализа результатов. Поскольку разные единицы требовали обращения к разным аспектам анализа (где-то было необходимо обращение к этимологии, где-то к фольклору и художественным текстам), лингвистические эссе будут отличаться по своему наполнению, однако некоторые общие зоны были выделены: толкование (помета DEF), морфологические сведения (MORPH), фразеологизм(ы) с данным словом (PHRAS), синонимы в разговорной речи (SYN), особенности употребления данного слова (PRAGM), иллюстративные примеры (ILL), данные о фиксации значения в других словарях (VOC) и интроспекции носителей языка (INTR).

В качестве иллюстрации приведем пример такого лингвистического эссе для антрополоксемы *мужичок*:

МУЖИЧОК

DEF: *ORD, ML* Мужчина.

PRAGM: Имеет уменьшительно-ласкательный оттенок значения. В сознании носителей языка существует своеобразный словесный портрет, выявленный при помощи обращения к МЛ носителей языка:

Возраст: *взрослый, немолодой, среднего / старшего среднего / старшего возраста, закаленный годами жизни, лет 40-50.*

Внешний вид: *улыбающийся, коренастый, с умными глазами, в обычной одежде.*

Характер и особенности личности и поведения: *закаленный годами жизни, хитрый, находчивый, активный, часто смеется и хохмит.*

Социальный статус: *из народа, хранитель народной мудрости и хитрости, женат, но при этом сохранил достоинство.*

ILL: *есть тут жилые дома вообще ? (э-э) @ *Н @ дак (э) никто не знает // а потом () какой-то вот мужичок мне указал / что вот вам туда надо // @ конечно // @ да я вот оттуда вот / такой крюк сделал.*

INTR:

- *Мужичок я использую, если хочу ласково назвать мужчину бодрого лет 40-50;*
- *Мужичок — это ласково о мужчине, представляется такой коренастый субъектик среднего возраста, хитрый и умный, себе на уме.*

VOC: БТС, ТСУ, ПОС.

Предложенная структура является рабочим вариантом, принятым для создания словарных статей, описывающих выбранные антрополоксемы. Вполне вероятно, что при анализе других лексических единиц или слов других частей речи появится необходимость добавления каких-то новых зон и/или помет.

Повторим, что Словарь русской устной повседневной разговорной речи является частью создаваемой в настоящее время информационно-исследовательской системы «Язык мегаполиса» Реализация предлагаемого проекта имеет важное значение для решения как фундаментальной научно-исследовательской задачи лексикографического описания современного русского языка повседневного общения, так и актуальных прикладных задач в области речевых технологий, телекоммуникации, психологии, образования и лингвистического мониторинга современного российского общества.

Потенциальные пользователи данной информационно-исследовательской системы — русисты всех специализаций, коллоквиалисты, специалисты в области речевой коммуникации, журналисты, психолингвисты, социолингвисты, специалисты в области речевых технологий и лингвистической экспертизы, преподаватели русского языка для

русских и иностранных учащихся, студенты-филологи, а также широкий круг лиц, интересующихся современным состоянием живой русской речи в реальных коммуникативных условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании анализа современной языковой и лексикографической ситуации, в работе обосновывается необходимость введения нового термина — речевая лексикография — для обозначения направления лингвистических исследований, занимающихся описанием современной повседневной разговорной речи (во всем разнообразии ее функциональных единиц) и представляющих результаты такого описания в произведениях словарного или справочного типа.

Использование данных анализа существующих словарей разговорной речи и корпусов русской устной речи позволило определить, что основным для речевой лексикографии является принцип дифференциальности.

При помощи анализа возможных путей лексикографического описания русской повседневной разговорной речи было выявлено, что задачей речевой лексикографии является отражение тех значений единицы, которые зафиксированы в конкретном ее употреблении носителем языка, что связано с заимствованным из теории прагматики представлением о значении слова как о его функции в конкретном высказывании. Результаты данного анализа также показали, что из возможных путей работы с записями спонтанной речи максимальной степени естественности для лексикографического описания лексических единиц наиболее продуктивным является метод анализа отдельных лексико-семантических групп.

Для апробации последнего пути была выбрана группа лексики, обозначающая лица мужского или женского пола. Результаты анализа материала (всего 41 единица) с данными значениями показали, что выделяются определенные тенденции изменения функционирования лексем в речи по сравнению с их «поведением» в языке, а именно наличие в речи коннотация, значений слов, лексических единиц, особых случаев сочетаемости единиц, а также фразеологизмов, ранее не зафиксированных в словарях.

Серия из 18 психолингвистических экспериментов с обращением к ментальному лексикону носителей языка, т. е. к их наивному представлению о значении слова, о возможностях его употребления, стилистике и различных коннотациях, подтвердила и дополнила результаты контрастного анализа, позволив, тем самым, разработать структуру словарной статьи, представляющей собой объемное лингвистическое эссе и состоящей из многих зон и включающее семантическую, морфологическую, ситуативную и пр. характеристики единицы, а также интроспекции, предложенные носителями языка.

Предложенная структура позволит в дальнейшем создать лингвистические эссе для всех единиц словника Словаря русской устной повседневной разговорной речи. Сам же Словарь является частью создаваемой в настоящее время информационно-исследовательской системы «Язык мегаполиса» Реализация предлагаемого проекта имеет важное значение для решения как фундаментальной научно-исследовательской задачи лексикографического описания современного русского языка повседневного общения, так и актуальных прикладных задач в области речевых технологий, телекоммуникации, психологии, образования и лингвистического мониторинга современного российского общества.

Потенциальные пользователи данной информационно-исследовательской системы — русисты всех специализаций, коллоквиалисты, специалисты в области речевой коммуникации, журналисты, психолингвисты, социолингвисты, специалисты в области речевых технологий и лингвистической экспертизы, преподаватели русского языка для русских и иностранных учащихся, студенты-филологи, а также широкий круг лиц, интересующихся современным состоянием живой русской речи в реальных коммуникативных условиях.

Основные положения и результаты работы отражены в следующих **публикациях** автора:

1) Андросова (Осьмак), Н. А. О возможностях лексикографического описания русской спонтанной речи [Текст] / Н. А. Андросова (Осьмак), Ч. В. Чен // Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура: Сборник статей. — Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2010. — С. 231-236.

2) Андросова (Осьмак), Н. А. К вопросу о возможности создания словаря живой русской речи [Текст] / Н. А. Андросова (Осьмак) // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. — Часть 5. — Вологда: Издательство ВГПУ, 2010. — С. 13-17.

3) Осьмак, Н. А. Опыт лексикографического описания русской спонтанной речи (слова, обозначающие лицо женского пола в Звуковом корпусе русского языка) [Текст] / Н. А. Осьмак, Ч. В. Чен // Материалы XXXIX международной филологической конференции. Выпуск 23. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 15-19 марта 2010 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. — С. 54-70.

4) Осьмак, Н. А. Новые коннотации старых слов (о лексикографическом описании русской спонтанной речи) [Текст] / Н. А. Осьмак // Образовательные технологии в виртуальном лингвокоммуникативном пространстве. IV Международная виртуальная конференция по русистике, литературе и культуре. 2-4 марта 2011 г. — США, Вермонт, Мидлбери колледж, 2011. — С. 166-170.

5) Осьмак, Н. А. О некоторых лексических «открытиях» на материале русской спонтанной речи (корпусное исследование) [Текст] / Н. А. Осьмак, Н. В. Богданова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25-29 мая 2011 г.). / Отв. ред. А. Е. Кибрик. — Вып. 10 (17) — М.: РГГУ, 2011. — С. 110-123.

6) Осьмак, Н. А. Из истории лексикографического описания русской разговорной речи (далеко ли до Даля?) [Текст] / Н. А. Осьмак // Материалы XL Международной филологической конференции. Выпуск 24. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23-25 марта 2011 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — С. 160-182.

7) **Осьмак, Н. А. Мужчинка: семантические метаморфозы [Текст] / Н. А. Осьмак // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — Вып. 2 (18) — Пермь: Издательство ПГНИУ, 2012. — С. 61-66.**

8) **Осьмак, Н. А. Новые значения старых слов (корпусное исследование на материале повседневной русской речи) [Текст] / Н. А. Осьмак // Вестник**

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — Вып. 1 — Элиста: Издательство КИГИ РАН, 2012. — С. 12-17.

9) Осьмак, Н. А. О способах лексикографического описания русской спонтанной речи (корпусное исследование) [Текст] / Н. А. Осьмак // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2012 г.) / Отв. ред. А. Е. Кибрик. — М.: РГГУ, 2012. — С. 510-521.

10) Осьмак, Н. А. О создании словаря русской спонтанной речи: проблемы и перспективы [Текст] / Н. А. Осьмак // STUDIA SLAVICA XI: Сборник научных трудов молодых филологов. Русистика и сопоставительные исследования. / Отв. ред. И. Адамсон. — Таллин: Издательство Таллинского университета, 2013. — С. 79-91.

11) **Осьмак, Н. А. О проблемах лексикографического описания русской спонтанной речи (на примере обозначений лица в Звуковом корпусе русского языка) [Текст] / Н. А. Осьмак // Мир русского слова. — Вып.4 — СПб.: Издательский дом «МИРС», 2013. — С. 41-46.**